

Люси Мод
Монтгомери

—

**Авонлейские
хроники**

Москва

УДК 821.111-32(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

Lucy Maud Montgomery
CHRONICLES OF AVONLEA

Перевод с английского *Марины Батищевой*

Художественное оформление *С. Костецкого*

В оформлении переплета использована иллюстрация:

Nazarij Kushlyk / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Монтгомери, Люси Мод.

М77 Авонлейские хроники / Люси Мод Монтгомери ; [перевод с английского М. Батищевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-206302-2

«Авонлейские хроники» Люси Монтгомери — это сборник из двенадцати рассказов Люси Монтгомери, связанных с романами про Аню Ширли. Основная тема сборника — повседневная жизнь жителей острова, их отношения и истории, в которые они попадают. Читатели станут свидетелями первых романтических влюбленностей, семейных радостей и горестей, а также борьбы с жизненными трудностями, с которыми сталкивается каждый житель. Объединяет все рассказы место — город Авонлея на острове Принца Эдуарда в Канаде.

Аня играет лишь второстепенную роль в этих рассказах, но посредством живых персонажей и ностальгических описаний Монтгомери создает не менее уютный и очаровательный мир, чем в романах про Аню из Зелёных Мезонинов. В рассказах мы встретим упоминание о Марилле Кастберг, Рейчел Линд, Диане Барри. Но большинство героев этих историй не упоминались в романах, так как большинство рассказов были написаны Монтгомери и опубликованы в журналах ещё до задумки романа об Ане. После успеха романа «Аня из Зелёных Мезонинов» издатель уговорил Монтгомери выпустить эти рассказы, включив в них отсылки к Ане и другим персонажам.

УДК 821.111-32(71)

ББК 84(7Кан)-44

© Батищева М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-206302-2

ГЛАВА I

КАК ПОТОРОПИЛИ ЛЮДОВИКА СПИДА

Однажды субботним вечером, уютно устроившись на диванчике у окна в гостиной Теодоры Дикс, Аня Ширли мечтательно смотрела вдаль на сказочную звездную страну за холмами, окрашенными закатом. Последние две недели университетских каникул она гостила в Домике Эха, где мистер и миссис Ирвинг проводили это лето, и часто заходила на старую ферму Диксов немного поболтать с Теодорой. В этот вечер они уже наговорились вволю, и теперь Аня с удовольствием предавалась построению одного из своих воздушных замков, прислонившись к оконной раме головой в короне темно-рыжих кос, и ее серые глаза были словно тенистые озера в отблесках лунного света.

Затем она увидела Людовика Спида, шагающего к дому Диксов. Он был еще далеко — дорожка, ведущая к крыльцу, была очень длинной, — но Людовика всегда можно было узнать, едва заведев его издали. В Центральном Графтоне не было второй такой вы-

сокой, чуть сутуловатой, мерно движущейся фигуры. В каждом ее изгибе так и ощущалась неповторимая индивидуальность Людовика.

Аня очнулась от своих фантазий, подумав, что было бы тактичнее удалиться. Людовик ухаживал за Теодорой. Все в Графтоне знали это, а если кто-то еще и оставался в неведении, то вовсе не потому, что не успел об этом узнать. Людовик ходил по этой самой дорожке в гости к Теодоре — всегда так же задумчиво и неторопливо — вот уже пятнадцать лет!

Когда Аня, стройная, юная и романтическая, поднялась, чтобы уйти, Теодора, полноватая, немолодая и практичная, сказала, с насмешливым огоньком в глазах:

— Ни к чему спешить, детка. Сядь и не убегай раньше времени. Ты увидела, что Людовик идет сюда по дорожке, и, наверное, решила, что будешь лишней. Вовсе не будешь. Людовику, пожалуй, даже нравится, когда присутствует кто-то третий, да и мне тоже. Это хоть как-то помогает разговориться. Когда человек заходит к вам в гости регулярно дважды в неделю пятнадцать лет, порой бывает трудно найти тему для беседы.

Теодора никогда не изображала притворного смущения в том, что касалось Людовика, и не избегала разговоров о нем и его продолжительном ухаживании. Казалось, оно даже забавляет ее.

Аня снова села, и вместе они смотрели, как Людовик приближается по дорожке, спокойно глядя вокруг — на сочную зелень клеверных лугов и голубые извивы реки в туманной долине.

Аня взглянула на безмятежное, с красивыми, словно выточенными чертами лицо Теодоры и попыта-

лась вообразить, что чувствовала бы она сама, если бы сидела здесь, ожидая немолодого уже возлюбленного, которому требуется так много времени, чтобы на что-то решиться. Но даже Анино воображение не справились с этой задачей.

«Во всяком случае, — подумала она с некоторым раздражением, — если бы я хотела выйти за него замуж, то нашла бы способ поторопить его. Людовик *Спид*! Была ли когда-нибудь у человека более неподходящая фамилия? Чтобы такой человек носил подобную фамилию — да это просто обман, это ловушка!»

Вскоре Людовик подошел к дому, но так долго стоял на пороге в раздумье, неподвижно глядя на густые сплетения зеленых ветвей вишневого сада, что, в конце концов, Теодора пошла и открыла дверь, прежде чем он решил постучать. Вводя его в гостиную, она соорудила Ане смешную гримасу из-за его плеча.

Людовик приветливо улыбнулся Ане. Она нравилась ему и была единственной молоденькой девушкой среди его знакомых, поскольку он, как правило, избегал юных девушек — в их обществе он чувствовал себя не в своей тарелке. Но присутствие Ани не вызывало у него ощущения неловкости. Ее обаяние помогало ей поладить с самыми разными людьми, и, хотя Людовик и Теодора знали ее не слишком давно, оба смотрели на нее как на старого друга.

Людовик был высокий и немного неуклюжий, но неизменная безмятежность придавала его внешнему облику величественность, которую вряд ли могло бы придать что-либо другое. У него были длинные шел-

¹ Фамилия Спид (Speed) означает по-английски «скорость».

ковистые, темные усы и узенький клинышек вьющейся бородки — по моде, которая могла считаться странной в Графтоне, где мужчины ходили либо с гладко выбритыми подбородками, либо с полноценными бородами. В голубой глубине его мечтательных и приветливых глаз был намек на меланхолию.

Он сел в большое пухлое старинное кресло, принадлежавшее раньше отцу Теодоры. Людовик всегда сидел в этом кресле, и Аня утверждала, что кресло стало походять на него.

Разговор вскоре сделался довольно оживленным. Людовик был хорошим собеседником, если находился кто-то, кто мог его разговорить. Он много читал и часто удивлял Аню своими меткими замечаниями о людях и событиях широкого мира, лишь слабые отголоски которого, как правило, доходили до здешних тихих мест над рекой Деланд. Он также любил вести дискуссии на темы религии с Теодорой, которую не особенно волновала политика или процессы исторического развития, но которая живо интересовалась церковной доктриной и читала все, что только относилось к этому вопросу. Когда спокойное течение разговора превратилось в водоворот ожесточенного спора между Людовиком и Теодорой о христианском учении, Аня поняла, что теперь уже не нужна и что не хватать ее им уже не будет.

— Время для звезд и пожеланий доброй ночи, — сказала она и тихо ушла.

Но, когда она отошла подальше, так что ее уже не было видно из окон дома, ей, чтобы отсмеяться, пришлось остановиться на зеленом лугу, усыпанном звездочками белых и золотых маргариток, где гу-

лял напоенный ароматами ветер. Аня прислонилась к белой березе на краю луга и от души расхохоталась — что ей хотелось сделать каждый раз, когда она думала о Людовике и Теодоре. Ей, исполненной горячего нетерпения юности, это ухаживание казалось весьма забавным. Людовик нравился ей, но в то же время не мог не раздражать.

— Милый, большой простофиля! Ну как на него не досадовать! — сказала она вслух. — Не было еще на свете такого очаровательного глупца. Он совсем как тот аллигатор в старом стишке, который не хотел плыть вперед и не хотел лежать на воде, а все время то всплывал, то погружался.

Два дня спустя, когда Аня под вечер снова пришла в дом Диксов побеседовать с Теодорой, речь зашла о Людовике. Нежные пухлые пальцы Теодоры, трудолюбивейшей из смертных и страстно увлекающейся рукоделием, были заняты вывязыванием замысловатой кружевной салфетки. Аня сидела, откинувшись в маленьком кресле-качалке, сложив на коленях тонкие, изящные руки, и смотрела на Теодору. Без сомнения, Теодора с ее сильным, белым телом, крупными, правильными чертами и большими спокойными глазами была очень красива — красива величественной красотой Юноны. Когда она не улыбалась, вид у нее был чрезвычайно внушительный. Аня подумала, что у Людовика эта красота, должно быть, вызывает благоговение.

— Неужели вы с Людовиком проговорили о христианском учении *весь* субботний вечер? — спросила она.

Теодора расплылась в улыбке.

— Да, и даже поссорились на этой почве. Я, во всяком случае, поссорилась с ним. Людовик ни с кем не может поссориться. Когда споришь с ним, кажется, что бьешь кулаками воздух. Терпеть не могу сражаться с человеком, который не отвечает ударом на удар.

— Теодора, — сказала Аня вкрадчиво, — я позволю себе проявить любопытство и дерзость. Можете осадить меня, если хотите. Почему вы с Людовиком не поженитесь?

Теодора добродушно рассмеялась.

— Я думаю, Аня, этот вопрос давно задают все, кто живет в Графтоне. Что ж, я ничуть не против выйти замуж за Людовика. Довольно откровенный ответ, не правда ли? Но не так-то просто выйти замуж за мужчину, если он тебя об этом не просит. А Людовик никогда не делал мне предложения.

— Он слишком робок? — продолжила расспросы Аня. Она была намерена разобраться в этом загадочном деле до конца, раз уж Теодора оказалась в подходящем расположении духа.

Теодора уронила рукоделие на колени и задумчиво взглянула в окно на зеленые склоны, залитые летним солнцем.

— Нет, не думаю, что дело в этом. Людовик не робок. Просто такой уж медлительный он уродился. Спида все ужасно неторопливые. Они годами думают о каком-нибудь деле, прежде чем решатся его осуществить. Иногда они до того привыкают думать о нем, что так и не могут пойти дальше мыслей — как старый Олдер Спид, который все твердил, что надо бы ему съездить в Англию, чтобы повидать брата, но так и не поехал, хотя не было ни малейшей причины не ехать. Они не ленивы, понимаешь, но не любят спешить.

— А Людовик — особо тяжелый случай *спидизма*, — предположила Аня.

— Вот именно. Он никогда в жизни не спешил. К примеру, он вот уже шесть лет собирается покрасить свой дом — обсуждает со мной время от времени подробности, выбирает цвет, но дальше этого дело не идет. Он меня любит и намерен в будущем сделать мне предложение. Единственный вопрос: придет ли когда-нибудь это время?

— Почему вы его не поторопите? — спросила Аня нетерпеливо.

Теодора, снова рассмеявшись, вернулась к своему вязанью.

— Если Людовика можно поторопить, то это задача не для меня. Я слишком робкая. Звучит странно в устах женщины моего возраста и роста, но это правда. Конечно, я знаю, что только так все Спида и женились. Например, одна из моих кузин вышла замуж за брата Людовика. Не скажу, будто она напрямую предложила ему жениться на ней, но, должна признать, Аня, особой разницы между таким предложением и тем, что произошло на самом деле, не было. Я не смогла бы сделать ничего подобного. Однажды я, правда, *попыталась*. Когда я осознала, что становлюсь зрелой и перезрелой и что все девушки моего поколения одна за другой выходят замуж, я попробовала намекнуть на это Людовику. Но слова застряли у меня в горле. А теперь меня это и не тревожит. Если я не сменю фамилию на Спид, пока не проявлю инициативу, то оставаться мне мисс Дикс до конца моих дней. Людовик не отдает себе отчета в том, что мы стареем. Он думает, что мы

все еще легкомысленная молодежь и впереди у нас полно времени. Это ошибка всех Спидов. Они никак не могут понять, что они живы, до тех пор пока не умрут.

— Вы любите Людовика, да? — спросила Аня, заметив нотку настоящей горечи в парадоксах Теодоры.

— Разумеется, — ответила Теодора чистосердечно. Она не считала нужным изображать смущение, говоря о таком очевидном факте. — Я очень высокого мнения о Людовике. И ему, несомненно, нужен кто-то, кто позаботился бы о нем. Он совсем заброшен — даже выглядит обтрепанным. Ты сама могла это заметить. Эта его старая тетка за домом еще как-то следит, но о Людовике совсем не заботится. А он приближается теперь к тому возрасту, когда за мужчиной нужно поухаживать, немного его понянчить. Мне одиноко тут, а Людовику одиноко там, и все это кажется смешным, не правда ли? Я не удивляюсь, что мы — дежурная шутка в Графтоне. Видит Бог, я сама над этим не раз смеялась. Мне иногда кажется, что, если бы можно было заставить Людовика ревновать, это, возможно, подтолкнуло бы его на действия. Но я никогда не умела флиртовать, да если б и умела, то здесь все равно нет никого, с кем можно было бы флиртовать. Все в округе смотрят на меня, как на законное достояние Людовика, так что никому бы и в голову не пришло оспаривать меня у него.

— Теодора, — воскликнула Аня, — у меня есть план!

— Что же такое ты придумала? — удивилась Теодора.

И Аня рассказала ей. Сначала Теодора лишь смеялась и возражала, но в конце концов, хотя и не без сомнений, уступила под напором Аниного энтузиазма.

— Что ж, попробайся, — сказала она покорно. — Если Людовик рассердится и бросит меня совсем, мне будет еще хуже, чем сейчас. Но волков бояться — в лес не ходить. А тут, как я полагаю, есть надежда на успех, если постараться. К тому же, должна признаться, я устала от его нерешительности.

Аня вернулась в Домик Эха, трепеща от восторга и нетерпения. Она срочно отыскала Арнольда Шермана и рассказала ему, что требуется от него. Арнольд Шерман выслушал и рассмеялся. Он был пожилым вдовцом, близким другом Стивена Ирвинга, и приехал по его приглашению, чтобы провести часть лета с ним и его женой на острове Принца Эдуарда. Он был красив, как может быть красив зрелый мужчина, и все еще сохранил склонность к озорству и проделкам, так что довольно охотно согласился принять участие в заговоре. Его забавляла мысль о том, чтобы поторопить Людовика Спида, и он знал, что на Теодору Дикс можно положиться — она справится со своей ролью. Комедия, которую предстояло разыграть, обещала быть далеко не скучной, независимо от того, каким окажется результат.

Первый акт начался после молитвенного собрания вечером следующего четверга. В ярком лунном свете выходявшие из церкви люди могли ясно видеть все происходящее. Арнольд Шерман стоял на ступенях возле двери, а Людовик Спид, как он делал это после каждого такого собрания, расположился чуть поодаль, прислонившись к углу кладбищенской

ограды. Мальчишки говорили, что за годы ухаживания за Теодорой он стер спиной всю краску с ограды в этом месте. Людовик не видел причины толкаться возле церковного крыльца. Теодора выйдет, как всегда, и он присоединится к ней, когда она будет проходить мимо него.

И вот что произошло. Теодора спустилась по ступеням, темный силуэт ее величественной фигуры был отчетливо виден в ярком свете горевшего на крыльце фонаря. Арнольд Шерман попросил позволения проводить ее домой. Она спокойно взяла его под руку, и вдвоем они прошествовали мимо остолбеневшего Людовика, который стоял, растерянно глядя им вслед, словно не веря собственным глазам.

Несколько мгновений он, поникший, продолжал стоять у ограды, а затем решительно пустился в погоню за своей непостоянной дамой сердца и ее новым поклонником. Мальчишки и безответственные молодые люди толпой последовали за ним, ожидая волнующих событий, но были разочарованы. Людовик шагал крупным шагом по дороге, пока не нагнал Теодору и Арнольда Шермана, а затем с кротким видом пристроился к ним сзади.

Теодора едва ли получила большое удовольствие от этой прогулки домой, хотя Арнольд Шерман приложил все усилия, чтобы сделать разговор особенно увлекательным и оживленным. С тоской думала она о Людовике, чьи шаркающие шаги слышала за спиной. Ее пугала мысль, что она обошлась с ним слишком жестоко, но отступать было уже поздно, и, укрепив свою решимость тем соображением, что все это делается для блага самого Людовика, она беседовала

с Арнольдом Шерманом так, словно никого другого на свете для нее в этот момент не существовало. Бедный, покинутый Людовик, смиренно следуя за ней, слышал ее слова, и, если бы Теодора знала, как горька была чаша, испитая им в те минуты, у нее никогда не хватило бы духу поднести эту чашу к его устам — сколь благой ни была конечная цель.

Когда она и Арнольд вошли в ворота ее дома, Людовику пришлось остановиться. Незаметно бросив взгляд через плечо, она увидела его, неподвижно стоящего на дороге, и видение этой одинокой фигуры не переставало затем мучить ее всю ночь. Если бы Аня не забежала к ней на следующий день и не поддержала ее решимость, Теодора, возможно, испортила бы все, смягчившись раньше времени.

Тем временем Людовик, даже не слыша улюлюканья и комментариев необыкновенно довольных мальчишек, неподвижно стоял на дороге, пока его соперник и Теодора не скрылись из вида под елями, в том месте, где ведущая к ее дому дорожка спускалась в лощину. Затем он круто повернулся и пошел домой, но не своей обычной неторопливой походкой, а стремительными, большими шагами, свидетельствовавшими о внутреннем смятении.

Он был озадачен. Если бы вдруг наступил конец света или спокойная, извилистая речка Графтон повернула вспять и потекла не с холма, а на холм, это удивило бы Людовика не больше, чем то, что произошло. Пятнадцать лет он провожал Теодору домой с молитвенных собраний, а теперь этот немолодой приезжий, в блестящем ореоле «жителя Штатов», преспокойно увел ее у него из-под носа. Нет, хуже!

Самый жестокий удар — это то, что Теодора пошла с ним по собственной воле; мало того, она явно получала удовольствие от его общества. Людовик почувствовал, как в его беспечной душе поднимается праведный гнев.

Добравшись до своих ворот, он остановился и погрузился в созерцание собственного дома, расположенного поодаль от дороги перед стоящими полукругом березами. Даже в лунном свете было ясно видно, как выцвела и облезла краска на стенах. Он стоял, думал о «роскошной резиденции в Бостоне», которая, по слухам, принадлежала Арнольду Шерману, и нервно потирал подбородок загорелыми пальцами. Потом он сжал кулак и с силой стукнул по воротному столбу.

«Пусть Теодора не думает, что может дать мне отставку таким вот образом, после пятнадцати лет знакомства, — пробормотал он. — Мне есть что сказать по этому поводу, какие бы тут ни появлялись Арнольды Шерманы. Нахальный щенок!»

На следующее утро Людовик отправился в Кармоди и нанял Джошуа Пая, чтобы тот покрасил его дом, и в тот же вечер отправился в гости к Теодоре, хотя до субботы — обычного дня его визитов — было еще далеко.

Но Арнольд Шерман опередил его и уже сидел в его, Людовика, законном кресле. Людовику пришлось расположиться в новом плетеном кресле-качалке, где он и выглядел, и чувствовал себя абсолютно не на месте.

Если Теодора и ощущала неловкость такого положения, она не подавала вида и держалась великолепно. Никогда не выглядела она красивее, чем в этот

вечер, и Людовик заметил, что на ней одно из ее лучших шелковых платьев. Он с грустью спрашивал себя, был ли ожидаемый визит его соперника причиной, по которой она так нарядилась. Она никогда не надевала шелковых платьев к приходу самого Людовика. И хотя он всегда был самым кротким и незлобивым из смертных, в этот вечер в его душе зарождались кровожадные чувства, пока он безмолвно сидел и слушал, как блистает в разговоре Арнольд Шерман.

— Видела бы ты, какие он бросал сердитые взгляды, — рассказывала на следующий день Теодора восхищенной Ане. — Может быть, это нехорошо с моей стороны, но я была по-настоящему рада. Я боялась, что он просто надуетя и будет сидеть дома. Пока он приходит и дуется здесь, я спокойна. Но чувствует он себя, бедняга, прескверно, и меня мучают угрызения совести. Он попытался вчера пересидеть мистера Шермана, но это ему не удалось. Думаю, ты в жизни не видела более подавленного существа, чем он, когда спешил прочь от моего дома по тропинке. Да, он по-настоящему спешил.

В следующий воскресный вечер Арнольд Шерман отправился вместе с Теодорой в церковь и сидел там рядом с ней. Когда они вошли, Людовик Спид внезапно встал со своей скамьи под галереей. И хотя он тут же снова сел, каждый, кто находился в церкви, видел, как он вскочил, и в тот вечер по всему Граф-тону с жаром и удовольствием обсуждали это драматическое происшествие.

— Да-да, он вскочил во весь рост, словно что-то подняло его на ноги, как раз когда священник читал текст из Библии, — рассказывала его кузина Лорелла